

Евгений Баранов

Легенды о русских писателях

Московские легенды

Евгений Баранов

Легенды о русских писателях

«Public Domain»

1924

Баранов Е. З.

Легенды о русских писателях / Е. З. Баранов — «Public Domain»,
1924 — (Московские легенды)

«В московских низах мало кто знаком с жизнью невымышленного Гоголя, по крайней мере, из числа довольно многих своих низовых знакомых я встретил лишь одного человека, который знал подлинную биографию его...»

Содержание

Брюс, Сухарев и Пушкин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Евгений Захарович Баранов

Легенды о русских писателях

Брюс, Сухарев и Пушкин

В течение четырех лет (1919–1923 гг.) мне пришлось торговать книгами на многих улицах Москвы, а с весны 1921 г. по декабрь 1923 г. я торговал ими на Арбате, около дома № 26 (бывшего Берга). Тут я познакомился с дворником этого дома Филиппом Яковлевичем Болякиным. Тогда ему было 68 лет, значит, теперь, когда пишутся эти строки (в 1925 г.) ему 72 года. Он высокого роста и, судя по его фигуре, когда-то был крепкого телосложения, теперь одряхлел, стал сутулиться. Родом он из крестьян Тульской губернии, Новосельского уезда, деревни Даниловки.

По отбытии солдатчины он женился, занимался дома крестьянским хозяйством, временами жила в Москве, потом, когда дети подросли, передал им хозяйство и окончательно переселился в нее, нанялся дворником в тот самый дом, в котором я застал его, когда познакомился с ним. В этом доме он работал более двадцати пяти лет и все время, до зимы 1924 г., жил вдвоем со своей женой, которой, когда я узнал ее, было 80 лет. Третьим членом семьи Филиппа Яковлевича был его любимец, большой серый кот Барсик.

За 25 лет работы Филипп Яковлевич нажил немало разной одежды, но его обворовали дочиста в то время, когда он убирал мостовую, а старуха отлучилась из дому.

В первое время моего знакомства с ним наши разговоры вращались большей частью вокруг уборки мостовой. Обыкновенно, покончив с работой, он с метлой или киркой в руке подходил ко мне, тяжело волоча ноги.

– Давай, – устало произносил он.

Это означало, что он хочет покурить. Я доставал из кармана кисет с махоркой, мы скручивали сигарки, закуривали. После двух-трех молчаливых затяжек замешался разговор, и почти всегда начинал его Филипп Яковлевич.

Если дело было зимой, он, посасывая сигарку, принимался не торопясь, медлительно объяснять, как надо закалывать кирку для скалывания толстого, слежавшегося слоя снега, а летом осуждал теперешнюю метлу, которой и на неделю работы не хватает: в три дня так измызгается, что хоть бросай ее и бери новую.

Иногда, глядя на убранную мостовую и любуясь своей работой, он говорил мне:

– Глянь-ка, походил по ней метлой, она и поумнела, а то была, как пьяная баба вся растрепанная.

Иных разговоров у нас почти не было, и я думал, что Филиппу Яковлевичу не о чем больше говорить. Но, оказалось, было о чем.

Раз как-то увидел он у меня выставленную на продажу книжку с портретом Наполеона на обложке, взял ее, медленно пошевелил губами: он немного знает читать (на военной службе выучился) и положил на место.

– Вот, – заговорил он, кивая головой на книжку, – первеющий человек в свете был, а пропал через свою гордость.

И потом, все так же медлительно, все так же посасывая сигарку, стал он рассказывать, как Наполеон, обуянный гордостью, пошел войной на Россию, завладел Москвою и бежал из нее, как он попал в плен и был сослан на остров и как, отправляясь в изгнание, предрек императору Александру Первому гибель дому Романовых, что потом, хотя и через много лет, в точности сбылось.

В другой раз я уже сам завел с ним разговор об очень популярном в народе человеке, сподвижнике Петра Великого, графе Якове Вилимовиче Брюсе, этом, по легендам, удивительном на всем свете ученом и волшебнике. Затеял я такой разговор в надежде услышать от Филиппа Яковлевича что-нибудь новое о Брюсе и тем пополнить свое собрание легенд о нем. И надежда не обманула меня: я услышал от него не только о Брюсе, но и о другом современнике Петра Великого – Сухареве, и, чего я совсем не ожидал, об А. С. Пушкине. Оказывается, по словам рассказчика, все они трое жили в одно время. Легенда так и начинается: «Их было трое: Брюс, Сухарев и Пушкин...»

Рассказывал мне эту легенду Филипп Яковлевич в ноябре 1923 г., а в следующем месяце я принужден был прекратить книжную торговлю и за весь 1924 г. лишь мельком видел Филиппа Яковлевича раза два, а летом 1925 г. пришел к нему расспросить о Пушкине.

За эти полтора года, в которые мы не виделись, умерла его жена, и он, чтобы иметь в доме хозяйку, «расписался» с одной тридцатилетней женщиной, т. е. зарегистрировал у нотариуса свой гражданский брак с ней.

Он еще более одряхлел и память стала изменять ему: меня он называл «Мироньчем» вместо «Захарыча», как раньше называл, а на мои расспросы о Пушкине только отмахнулся:

– Что о нем говорить, – возразил он, – Пушкин и есть Пушкин.

А когда я напомнил ему его рассказ о Наполеоне, он удивился:

– Да нешто я рассказал? – возразил он и долго думал, очевидно, припоминая. – Не помню, – промолвил он потом. – Может и говорил, да позабыл.

Разговор у нас не клеился, мы покурили и разошлись. Месяц спустя мы опять встретились, разговорились о прежнем времени, прежней Москве, вспомнили, между прочим, обезьянщиков, т. е. айсаров, болгар и персов, водивших напоказ пляшущих обезьян, и Филипп Яковлевич рассказал любопытную, на мой взгляд, легенду о том, почему было запрещено водить обезьян и медведей. Пользуясь его хорошим настроением, я направил было разговор о Пушкине, но из этого ничего не вышло.

– Что ж Пушкин, – промолвил он. – Был он хороший человек, за что честь и слава ему. – И больше о Пушкине ни слова.

Но все же я узнал, что Филипп Яковлевич ни одного из произведений Пушкина не читал и не слышал, и вообще никаких книг не читал, кроме одной – «Ухарь-купец»¹, которую он очень хвалил.

Их было трое: Брюс, Сухарев и Пушкин.

Брюс на небо летал смотреть, есть ли Бог. Ну, вернулся.

– Есть, – говорит, а сам поскорее к батюшке побежал... – На, говорит, тебе рупь, отслужи молебен.

Ну, а батюшка что ж?.. Рупь – деньги, на тротуаре не подымешь; взял да и отслужил...

И был этот Брюс самый умный: весь свет исходи – умней не найдешь. И знал он волшебство, и дошел до всяких наук. Календари делал... и порошки у него там, составы разные... И мог он обернуться птицей. А жил в Сухаревой башне. Там у него и книги, бумаги, пузырьков наставлено было тьма-тьмущая... и чего-чего только там не было. Понятно, не зря, а все для науки.

¹ Под таким заголовком известно было лубочное издание (Т-ва Сытина) собрания песен и романсов, среди которых было помещено стихотворение Никитина «Ехал из ярмарки ухарь-купец». Положенное на ноты, оно распевалось с эстрад увеселительных садов, ресторанов так называемыми исполнительницами народных песен и, между прочим, одной из них, более талантливой, Плевницкой, удачное исполнение которой много способствовало распространению его в городских низах, где оно было в моде с 1908 по 1914 г., хотя и теперь еще не совсем забыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.